

Содержание

Алена Исахания. Слово Евсевия «О сошествии Иоанна Предтечи во ад». <i>Краткая и пространная редакции</i>	3
Михаил Люстров. Лапландско-мальтийская война и королевская игра «копием». <i>Текстуальные трансформации в русских переводных повестях XVII–XVIII веков</i>	11
Константин Лаппо-Данилевский. Федор Корбя — поэт, шпион, филолог и дипломат	19
Олег Заславский. Заколдованное место как пространство смерти	43
Пуя Vinitsky. Dostoyevsky Misprisoned. « <i>The House of the Dead</i> » and American Prison Literature	54
Ольга Макаревич. «Слуги старого века» в произведениях И. А. Гончарова и Н. С. Лескова	77
Александра Чабан. Итоги рецепции русской поэзии 1900 – начала 1910-х годов в «Стихах Нелли»	94
Елена Глуховская. Меланхолический романтик русского символизма. <i>Автобиографический миф Эллы в эпистолярных и поэтических текстах 1912 года</i>	109
Валерий Отяковский. Из полемики вокруг формализма. <i>К. Шимкевич о «Литературном факте» Ю. Тынянова</i>	130
Лада Панова. <i>Внутри горы бездействует... подтекст? К разгадке мандельштамовского кумира</i>	148
Александр Кобринский. Маяковский и прочие. <i>Круг контактов и общения Даниила Хармса во второй половине 1920-х годов</i>	188
Валентин Головин. «Квакинский» вопрос в повести А. Гайдара «Тимур и его команда»	205

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2020 XVI (1-2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Д. ф. н. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnää škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2020
© «Летняя школа по русской литературе», 2020

Contents

Alena Isakhanyan. Eusebius's homily <i>On the Descent of John the Baptist into Hell</i> . A short and a long version	3
Mikhail Ljustrov. Lapland-Maltese war and the royal game with a spear. Textual transformations in Russian translated novels of the XVII–XVIII Centuries	11
Konstantin Lappo-Danilevskii. Theodor Corbea – Poet, Spy, Philologist, Diplomat	19
Oleg Zaslavskii. Bewitched place as a Space of Death	43
Ilya Vinitzky. Dostoyevsky Misprisioned. <i>The House of the Dead</i> and American Prison Literature	54
Olga Makarevich. Servants of an Old Age in the works of I. A. Goncharov and N. S. Leskov	77
Alexandra Chaban. The results of the reception of russian poetry 1900 – early 1910s in Nelly's poems	94
Elena Glukhovskaya. Melancholy romantic of Russian symbolism. Ellis's autobiographical myth in epistolary and poetic texts of 1912	109
Valerii Otiakovskii. From discussions around Russian formalism. Konstantin Shimkevich about <i>Literary fact</i> of Yuri Tynianov	130
Lada Panova. <i>Inside the Mountain Idles...</i> the Subtext? Figuring out Mandel'shtam's <i>Idol</i>	148
Aleksander Kobrinsky. Mayakovsky and others. Daniil Kharm's circle of contacts in the late 1920s	188
Valentin Golovin. «Kvakin» question in the story of A. Gaidar <i>Timur and his Squad</i>	205

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,
Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

АЛЕКСАНДРА ЧАБАН
(Москва)

ИТОГИ РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1900 — НАЧАЛА 1910-х ГОДОВ В «СТИХАХ НЕЛЛИ»¹

В статье рассматривается сборник-мистификация В. Я. Брюсова «Стихи Нелли». Выявляются новые источники стилизаций Брюсова, делается вывод о сборнике как экспериментальной лаборатории по апробации наиболее известных приемов поэтов-современников.

Ключевые слова: В. Я. Брюсов, «Стихи Нелли», символизм.

Информация об авторе: Чабан Александра Александровна, кандидат филологических наук, Ph.D., научный сотрудник Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. Москва, Россия.

E-mail: achaban@list.ru

The results of the reception of russian poetry 1900 — early 1910s in “Nelly’s poems”

The article investigates the books of poems and literary mystification “The Nelly’s poems” by V. Bryusov. There are revealed the new sources of Bryusov’s stylizations and made a conclusion about “The Nelly’s poems” as an experimental laboratory for testing the most famous techniques of contemporary poets.

Key words: V. Bryusov, “The Nelly’s poems”, symbolism.

About author: Alexandra Chaban, Candidate of Philological Sciences, Ph.D., research fellow at National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.

E-mail: achaban@list.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2020-16-1-2-94-108

Небольшая книжка «Стихи Нелли» (60 страниц и 29 стихотворений) получила достаточно широкий резонанс при появлении в печати, летом 1913 года, но оказалась почти забыта впоследствии. Причины такого несправедливого забвения оче-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФ № 19-78-10012 «Писатель — критика — читатель: (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)».

видны: Валерий Брюсов выпустил книгу анонимно и публично не признавал своей причастности к ней.¹ «Реабилитацию» сборника и возвращение его в контекст поэтической эволюции автора осуществили М. Л. Гаспаров,² первым вписавший «Стихи Нелли» в парадигму других экспериментальных произведений Брюсова 1910-х годов, и А. В. Лавров,³ который реконструировал биографический и историко-литературный контексты, мотивировавшие автора обратиться к подобной тематике.

Лавров отметил возрастающее внимание к «женской» теме как в литературе начала XX века, так и в творчестве самого Брюсова (например, в повести «Последние страницы из дневника женщины» (1910) и в целом сборнике рассказов «Ночи и дни», 1913) и пояснил причины этого интереса:

...в «Стихах Нелли» <...> попытка ввести в женский поэтический хор дополнительный голос была в равной мере и вовремя предпринятой стилизацией новейшего, животрепещуще современного литературного явления, и косвенным признанием того, что «женское» творчество, с его обостренным ощущением поэзии будничной жизни и тяготением к изображению чувства в индивидуально-психологическом аспекте, являет собой один из наиболее перспективных путей литературного развития.⁴

Другой, не менее актуальной темой, оставалось для Брюсова изображение жизни современного большого города. К ее обновлению он приходит, делая наблюдения над

¹ См. его письмо в редакцию г. «Речь»: «В № 323 вашей уважаемой газеты (от 25 ноября), г. Сергей Городецкий, критикуя сборник стихов, изданный в этом году под заглавием „Стихи Нелли“, приписывает его мне. Считаю совершенно необходимым заявить, что псевдоним „Нелли“ принадлежит не мне, но лицу, не желающему пока назвать свое имя в печати. Не могу также не добавить, что литературная этика относилась до сих пор к раскрытию чужих псевдонимов отрицательно, и не высказать удивления, что г. Городецкий находит возможным в печати доискиваться, кто скрывается под псевдонимом „Нелли“» (*Брюсов В.* Письмо в редакцию // *Речь.* 1913. № 326. 28 нояб. С. 7).

² *Гаспаров М. Л.* Брюсов-стихoved и Брюсов-стихотворец (1910–1920-е годы) // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван, 1976. С. 11–43.

³ *Лавров А. В.* 1) «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. История. Археология: Ежегодник 1985. М., 1987. С. 70–96; 2) Вокруг гибели Надежды Львовой: Незданные материалы // *De Visu.* 1993. № 2. С. 5–11.

⁴ *Лавров А. В.* «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова. С. 76.

футуристической поэтикой.¹ Лавров называет и наиболее важные имена эгофутуристов, стилистика которых отражена в «Стихах Нелли»: И. Северянин² и отчасти В. Шершеневич. Раскрывая суть эксперимента, исследователь указывает, что для современников эти две стилистические тенденции Брюсовского сборника были заметны в первую очередь.

К анализу поэтических смыслов книги стихов Брюсова, стилистики сборника и полемической канвы вокруг него можно сделать дополнения и указать на иные стилистические тенденции, не менее важные для «Стихов Нелли»: в этом и будет заключаться основная задача статьи.

Так, конструируя образ молодой поэтессы, Брюсов не мог не учитывать, что его героине обязательно надо было учиться у известных современных поэтов, в первую очередь, у самого Брюсова.³ Несмотря на обилие лирических сюжетов и образов, характерных для эгофутуризма, влияние символистской поэтики ощущается уже на уровне композиции книги стихов:⁴ четыре части (разделы «Из моих наблюдений», «Листки дневника», «История моей любви», «Девятый вал») представляют собой единый текст с экспозицией, завязкой, развитием действия и кульминацией-развязкой. Лирический

¹ Лавров А. В. «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова.

² «Брюсов даже заставил свою „Нелли“ овладеть северянинскими новациями, в том числе неологизмами в духе Северянина» (Там же).

³ О роли Брюсова в творческом становлении молодых поэтесс см., например: Клинг О. А. Художественные открытия Брюсова в творческом осмыслении А. Ахматовой и М. Цветаевой // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985. С. 235–247.

⁴ Основные принципы композиции символистской книги стихов были сформулированы Брюсовым в предисловии к «Urbi et Orbi»: «Книга стихов должна быть не случайным сборником (разрядка Брюсова. — А. Ч.) разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связанного рассуждения. Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно» (Брюсов В. Urbi et Orbi. М., 1903. С. V–VI). В отличие от книг символистов, книги стихов футуристов не имели ярко выраженного лирического сюжета (см. об этом, например: Ковтун Е. Ф. Русская футуристическая книга М., 1989; Терехина В. Н. А. Крученых, Алягров, Заумная гнига // Будетлянский клич! Футуристическая книга. М., 2006).

сюжет книги описывает любовную историю. В первых двух частях помещены стихотворения, конструирующие психологический портрет героини, наслаждающейся жизнью на лоне природы («Воздух холодеет и густеет...», «В лесу», «У пруда») и в городе («Вечернее катанье», «Катанье с подругой», «На скэтинге»). Здесь происходит встреча лирической героини с возлюбленным («ты») и начало любовного романа («Сораспятые», «Все это было давно...»). Третий раздел «История моей любви» детально описывает оттенки любовных переживаний героини («Я счастлива! Как это странно-просто!..», «Миги счастья», «На свете счастье есть! Отдам покой и волю...»), страстных ночных свиданий («Хрупкие руки твои поцелую...», «На рассвете», «Проснувшись в узкой спальне...»), заканчивающихся разрывом с возлюбленным. Финальная четвертая часть «Девятый вал» изображает отчаянье героини («Тени когда-то любимых и проклятых...», «И снова у окна, когда закат малинов...»), а финальное стихотворение, одноименное названию части, намекает на трагический для героини исход.

Ориентация на поэтику Брюсова более отчетливо проявляется в разделах «Листки дневника» и «История моей любви», где речь идет о страсти, поглощающей лирическую героиню. Брюсовская линия базируется на раннем творчестве мэтра,¹ где, по замечанию Э. С. Литвина, значительное место «занимала любовная лирика, своеобразие которой заключалось в намеренно подчеркнутой эротической окраске. На первый план выступала любовь-страсть, даже чувственность, иногда с явным налетом <...> гротеска („Змея“, 1893; „Предчувствие“, 1894; „К моей Миньоне“, 1895)».²

Так, в финале стихотворения «Ночной ропот» отзывается последний кадр более раннего брюсовского стихотворения

¹ В статье «Вехи. I. Страсть» (1904) Брюсов описал свое видение страсти и причину особого интереса к ней: «Любовь исследима до конца, как всякое человеческое, хотя бы и произвольное создание. Страсть в самой своей сущности загадка; корни ее за миром людей вне земного, нашего. Когда страсть владеет нами, мы близко от тех граней, которыми обойдена наша «голубая тюрьма», наша сферическая, плывущая во времени, вселенная. Страсть — та точка, где земной мир прикасается к иным бытиям, всегда закрытая, но дверь в них» (Брюсов В. Вехи. I. Страсть // Весы. 1904. № 8. С. 25).

² Литвин Э. С. Валерий Брюсов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1983. Т. 4. С. 483.

«Предчувствие» (1894), изображающий любовников, слитых в любовном экстазе:¹

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, –
Играть, блуждать, в венках из орхидей,
Тела сплестать, как пара жадных змей!²

Стилизуя «женскую» поэтику,³ в «Ночном ропоте» Брюсов усиливает эмоциональный накал, вводя в текст более яркий гротескный образ:

Влажные руки в истоме прижались мучительно,
Ласки прощальной властительно ищут уста.
О! словно щупальца спрута сплелись безобразные;
О! словно я осьминогом на дне обвита!⁴

Обращение «мальчик» в сочетании с «виктимными» характеристиками героя (*маленький, стыдливый, мечтатель* и т. д.), которое использует Нелли для своего возлюбленного, впервые появляется с начала 1900-х годов в стихотворных текстах Брюсова, изложенных от лица женского персонажа. Примечательно, что в поэтическом словаре Ахматовой обращение «мальчик» также достаточно частотно («Я сошла с ума, о мальчик странный...», 1911; «Высокие своды костела...», 1913; «Мальчик сказал мне: „Как больно!..“», 1913). Возможно, Ахматова, внимательная

¹ Пафос чувственных наслаждений Нелли (см. начало стихотворения «На свете счастье есть!..») и полемика с Пушкиным наследует эстетическому кредо раннего Брюсова, изложенному в статьях «О искусстве» (1899), «Ключи тайн» (1904), «Священная жертва» (1905), где Брюсов переосмыслил пушкинское мировосприятие. Вполне вероятно, что спор Нелли с Пушкиным мог быть навеян недавними заявлениями футуристов, призывавших в манифесте «Пощечина общественному вкусу» (1912) «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода современности».

² *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 57. Далее: Брюсов, с указанием номера тома и страницы.

³ Составители антологии «Сто одна поэтесса Серебряного века» указали такие основные характеристики женской поэзии: «исповедальность стихов, авторы которых раскрывали перед читателем сложную гамму женских потаенных чувств, помыслов и желаний», «стихийность и непосредственность, <...> противостоящая мужскому рациональному началу», «исступленная правдивость», подчеркнутая женственность, «внимание к конкретным деталям и способность „найти слова для оттенков менее уловимых, чем на это способны мужчины“», преимущественно любовная тематика (*Кушлина О. Б., Никольская Т. Л.* Предисловие // Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология / Сост. и биогр. ст. М. Л. Гаспарова, О. Б. Кушлиной, Т. Л. Никольской. СПб., 2000. С. 6–9).

⁴ Стихи Нелли. М., 1913. С. 30. Далее: Нелли, с указанием номера страницы.

читательница старших поэтов, позаимствовала это слово из эротических стихотворений Брюсова. Мэтр тем самым отмечает, что его находка прочно входит в словарь женской поэзии:¹

Но ты, мой друг, мизиец мой стыдливый!
Навек, навек тебе я предана.
Не верь, дитя, что женщины все лживы:
Меж ними верная нашлась одна!

(«Помпеянка», 1901, — Брюсов, 1, 289)

Мальчик скромный, мальчик страстный,
Я ль сурова? я ль строга?

<...>

Мальчик робкий, мальчик смелый

<...>

Уголь-мальчик, мальчик страстный,
Обожги меня собой!

(«Уголек», 1907, — Брюсов, 1, 511)

(На пристани пустынной бледный мальчик
Глядит, как гаснет огненный закат...)
— Плыви, наш пароход! свой тонкий пальчик
Я положила на канат

(«Прощание», 1911, — Брюсов, 2, 55).

Ср. в «Стихах Нелли»:

Мой мальчик, мой милый, мой маленький,
Как сладко тебя целовать

(«На рассвете», — Нелли, 44).

Мой милый мальчик маленький

(«Проснувшись в узкой спаленке...», — Нелли, 47).

Развитие поэтических приемов раннего Брюсова достигает апогея в стихотворении «Хрупкие пальцы твои поцелую»:

¹ Ср. также у М. Цветаевой: «Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской / Заглянул тебе, грустя, в лицо...» («Даме с камелиями», 1910); «Мальчик плакал и вздыхал / О чужом сердечке» («Угольки», 1912); «Я из тех, о мой горестный мальчик, / Что с рожденья не здесь и не там...» («Стук в дверь», 1910).

Хрупкие руки твои поцелую,
 Ломкие пальцы к губам поднесу
 Радость твою молодую
 Выпью, как солнце росу! <...>
 Дай укусить тебя, мальчик-мечтатель!
 Ты укуси меня... сладкая боль!
 Не нажимай выключатель,
 Видеть тебя мне позволю!

(Нелли, 45)

Помимо уже отмеченной специфики выражения любовной темы (эротизм, предельная откровенность, культ наслаждения), автор производит тщательный отбор лексики, которая должна соответствовать стилизации под творчество экзальтированной молодой поэтессы. Эпитет «хрупкие» в поэтической речи ранее не употреблялся по отношению к рукам; известно лишь словосочетание «тонкие руки», сопровождающее, в основном, женский портрет.¹ Брюсов доводит эпитет до его крайности: «тонкие» становятся «хрупкими».² Метафора любовных укусов (уколов) также преобразуется, теряя свое переносное значение: экстагические укусы героев весьма реальны.

Интересна также и необычная рифменная пара последнего катрена — «мечтатель-выключатель», где второе слово впервые попадает в стихотворный текст. Как известно, расширение поэтического словаря было одной из насущных задач Брюсовастихотворца.³ При этом комический эффект от появления этого нового слова в совсем неожиданной для него ситуации мог быть

¹ Ср., например, характерные эпитеты в стихотворениях Н. С. Гумилева: «Напрасно с безысходною тоской / Она ловила тонкою рукой / Его стальные руки...» («Дездемона», 1913); «Она говорила, но, полный печали, / Он думал о тонких руках, но иных...» («Любимый, любимый...», 1909) «И руки особенно тонки, колени обняв» («Жираф», 1907).

² Характерно, что позже эгофутурист Шершеневич заимствует этот эпитет, однако и у него он будет относиться к женщине. См.: «Ледяной этот холод, обжигающий хрупкие плацы...» («Имажинистический календарь», 1917); «Эта тихая комната помнит влюбленно / Ваши хрупкие руки...» («Принцип звукового однословия», 1917).

³ Ср. с завоеваниями Брюсова в области футбольной лексики: «Брюсов, конечно же, не упустил возможности обогатить свой поэтический словарь новыми, почерпнутыми из тогдашнего спортивного лексикона существительными: „хавтаймы“, „голкипер“, „матчи“, да и само слово „футбол“. Три из них („хавтаймы“, „футболом“ и „голкипер“) он еще и зарифмовал — впервые в истории русской поэзии — и наверняка тоже поставил себе это в заслугу»

запланирован мэтром, помнившим о природе своей стилизации: в рецензиях Брюсов и другие критики нередко отмечали стилистические ляпсусы еще не сформировавшихся поэтов-дебютантов. Ср. другие строки «Стихов Нелли», также производящие комический эффект: «Как вдруг в невольном *вскрике* я / Тебе *шепнула*: „Мой!“» («Проснувшись в узкой спальне...»). Тем самым, как и в предыдущих примерах, Брюсов намеренно преувеличивает и комбинирует прежние и новые приемы, делает их неожиданными, добываясь нового звучания известных тем.

Сборник «стихов Нелли» тем самым представляет собой попытку посмотреть на литературную ситуацию с совершенно иного ракурса — не литературного мэтра, досконально знающего почти все поэтические нюансы эпохи, а начинающего поэта, и понять, за какими поэтами-современниками закрепляются наиболее устойчивые тематические и стилистические тенденции. Как известно, среди поэтов 1910-х годов именно у Брюсова и Блока было наибольшее количество учеников и подражателей,¹ поэтому не удивительно, что в «Стихах Нелли» присутствует также и стилистическая линия Блока. Сочетание, казалось бы, противоречащих друг другу поэтических стилей в пределах одной книги не долж-

(Акмальдинова А., Лекманов О., Свердлов М. «Ликует форвард на бегу...»: Футбол в русской и советской поэзии 1910–1950-х годов. М., 2016. С. 53).

¹ О двух наиболее важных для молодежи 1900–1910-х годов поэтах и о смене предпочтений О. А. Клинг замечает: «Особое значение для молодых поэтов имело творчество Брюсова, в котором наиболее рельефно обнажился стиль эпохи, стилевая доминанта времени. Примечательно, что ко времени окончательного формирования творческой манеры Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Мандельштама, Есенина, многих других художников уместнее говорить о влиянии Блока. В 1900-е годы, когда только складывался тип личности и видение молодых поэтов, первостепенным было влияние Брюсова» (Клиг О. А. Художественные открытия Брюсова в творческом осмыслении А. Ахматовой и М. Цветаевой // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985. С. 235). Произошедшая смена примечательна также и тем, что Брюсов всегда поощрял интерес молодежи к собственной личности и творчеству, а Блок преимущественно избегал новых творческих контактов: «У молодежи возникало естественное стремление вступить в негласный контакт с поэтом, но оно часто сталкивалось со ставшей вскоре широко известной нелюдимостью Блока. <...> Поэтому среди части петербургской молодежи возникло нечто вроде вкусового запрета на эпистолярное обращение к Блоку, и в роли „писем к Блоку“ выступали статьи о нем» (Тименчик Р. Д. Блок и литераторы. Блок и «молодые поэты» // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1987. Кн. 4. С. 564).

но смущать: во-первых, стилевая эклектика подчеркивала неопытность мистифицированной фигуры молодого автора, во-вторых, Брюсов редуцировал блоковскую традицию, ограничиваясь отсылками к стихам «второго» и «третьего» томов.

Выбор стилистических тенденций зрелого Блока также представляется неслучайным, поскольку именно со времени создания будущих второго и затем третьего томов, 1904–1908 годов, Блок сам переживает большое влияние брюсовской поэтики,¹ в первую очередь, как пишет З. Г. Минц, в художественном решении темы города, а позже – «страшного мира».² Создавая «Стихи Нелли», Брюсов, ощущавший ослабление своего влияния в 1910-е годы, не только стремился продемонстрировать современникам свою поэтическую состоятельность и новаторство, но и, вероятно, также напомнить им свою значимость для русской литературы.

Настойчивый акцент на этом прослеживается и в критических текстах Брюсова 1910-х годов. Так, в 1915 году, осуществляя обзор первого трехтомного собрания стихов Блока, Брюсов описывает специфику каждого из этапов творческого становления младшего символиста. Самой сильной книгой стихов была названа третья, «Земля в снегу» (1908), входившая во второй том: «Стихи из книги „Земля в снегу“ (особенно из ее второй части) принадлежат к числу наиболее сильных стихов Блока. <...> Это — поэтический дневник, изложенный в стихах нервных, изломанных и глубоко волнующих. Господствующее чувство в этих стихах — ожидание гибели, но эта конечная гибель кажется поэту соблазнительной и желанной» (Брюсов, 4, 436–437). В приведенном фрагменте Брюсов выделяет наиболее близкую ему тему — наслаждений на пороге гибели. Новый, третий, этап развития Блока (1912–1915) также характеризовался, по наблюдениям Брюсова, возвращением к тематике третьего сборника:

¹ «Блок <...> признавался в письмах к Сергею Соловьеву, что он „вне себя“ от сборника Брюсова „Urbi et Orbi“, что от волнения он не в состоянии читать стихи этого сборника „вследствие горловых спазмов“, что Брюсов „всех крупнее“, что он, Блок, совершенно не может надеяться вырасти до Брюсова и что он собирается писать „стихи, которые окажутся дубликатом Брюсова“» (Максимов Д. Е. Брюсов: Поэзия и позиция. Л., 1969. С. 75). Цитаты приведены Максимовым из писем Блока С. Соловьеву 1903 года.

² Минц З. Г. 1) Цикл Ал. Блока «Распутья» // Минц З. Г. Блок и русский символизм. СПб., 1999. С. 425. 2) Структура художественного пространства в лирике Ал. Блока // Там же. С. 487–499.

«Темы „Земли в снегу“ возрождаются в новых стихах Блока, но без того „упоения гибелью“, которое ранее, как огненное зарево, застилало все другие настроения. Теперь — чувство чего-то лучшего, роковым образом невосвратно утраченного, выступает в стихах Блока во всей своей обнаженности, придавая им порою исключительную силу и глубину» (Там же, 439).

В «Стихах Нелли» блоковские образы и стилистика прослеживаются в первую очередь в стихотворениях, посвященных теме города в ее трагедийном аспекте. Мотивы циклов «Страшный мир» (впервые — в «Ночных часах», 1911) и частично «Города» (впервые в сборнике «Нечаянная радость», 1907) — уродство и разврат Петербурга, одурманивающие сознание героев, одиночество, ужас жизни, мучительное отстранение от действительности¹ — присутствуют, например, в стихотворении «Вечернее катание». «Женское» мировосприятие усиливает то эмоциональное напряжение, которое присутствовало в текстах Блока:

Качая тихо черепа
В цилиндре, в котелке и в фетре,
По Невскому плывет толпа
При нежащем, вечернем ветре.

Уже размножились огни
За стеклами в больших витринах,
И две звезды зажглись в тени,
Как искры двух зрачков змеиных.
<...>

Не засыпают ли дома,
Как старики в постели, рано?
Но вдалеке разбита тьма
Горящим взором ресторана.

Гудя, лети автомобиль
В сверканьи иступленных светов...
Вдали Адмиралтейский шпиль,
В огне закатном, фиолетов
(Нелли, 15).

¹ Минц З. Г. Александр Блок // История русской литературы: В 4 т. Л., 1983. Т. 4. С. 527.

Попадая в поле «женской» и эгофутуристической поэтики, блоковские мотивы приобретают бóльшую эмоциональность и динамику, что мотивирует специфическую композицию текста: путешествие происходит в автомобиле, мчащемся по Невскому проспекту. Увеличение количества картин, которые видит героиня, соответствует увеличению скорости: от плавного движения в начале стихотворения («Качая плавно черепа...») к «полету» в конце («Гудя, лети автомобиль...»). Динамика и характер образов обусловлены точкой зрения героини, сидящей в автомобиле («плавность», приписываемая «черепам», множащиеся огни на стеклах витрин, мельканье света).

Прошедшие сквозь призму «Стихов Нелли», городские реалии, встречавшиеся в циклах «Страшный мир» и «Город», превращаются в неупорядоченный поток (черепа в цилиндрах и котелках, витрины, звезды, коляски, автомобиль, дома, ресторан, Невский проспект, кони Клодта на Аничковом мосту, Адмиралтейский шпиль, закат), создающий впечатление хаоса. Это отражает эмоциональное напряжение героини: если в начале текста поездка совершалась при «нежащем вечернем ветре», то есть сопровождалась приятными ощущениями, то затем появляется ощущение тревоги («И две звезды зажглись в тени, / Как искры двух зрачков змеиных...»), и наконец в финале описывается вакхическое исступление героини: «Гудя, лети автомобиль / В сверканьи *исступленных* светов...» и «ночные безумия».¹ Блоковские мотивы, усиленные влиянием стилистики женской поэзии, привносят таким образом в текст предчувствие трагедии. Примечательно, что в других «городских» текстах сборника, в которых блоковская линия не прослеживается (например, «На скэтинге»), трагедийный тон исчезает и вводятся северянинские интонации.

¹ Ср. с близкими мотивами у Блока: например, тревоги в сочетании с образом змеи («Иду — и все мимолетно...», 1905); бесцельности бытия: «Как этот мир, лететь бесцельно / В сияющую ночь... («Болотистым пустынным лугом...», 1912); «безвольной души» чувствующей надвигающиеся ночные «безумия»: «То душа, на последний путь ступая, / Бездумно плачет о прошлых снах...» («Дух пряный марта был в лунном круге...», 1910) «И в ужасе, зажмуря очи, / Я отступлю в ту область ночи, / Откуда возвращенья нет...» («Я коротаю жизнь мою...», 1912), и т. д.

Брюсов, как кажется, обращается к Блоку, также и для того, чтобы на фоне некоторых довольно легко узнаваемых его текстов ярче продемонстрировать специфику женской лирики. Так, в стихотворении «Проснувшись в узкой спальне...» поэт вводит аллюзии на стихотворение Блока «В голубой далекой спальне...» (1905) (ср. те же блоковские рифмы: спальне — маленький):

Проснувшись в узкой спальне,
При тусклом зимнем дне,
Мой милый мальчик маленький,
Ты вспомни обо мне

(Нелли, 47).

Вместо блоковского сюжета о смерти ребенка у Брюсова, однако, разворачивается история об ушедшем любовнике.¹ Интимный тон Блока, полный тихой грусти, оборачивается настойчивым, почти отчаянным призывом (ср. анафору: «припомни»); мотив «недосказанности» у Блока («Словно что-то недосказано, / Что всегда звучит, всегда...») преобразуется в откровенность, «граничащую с бесстыдством»:²

Припомни, как касалась я
Твоих и уст, и рук,
Как сладостно сгибалась я
По воле сладких мук...

(Нелли, 47).

Символистская недосказанность, особая символистская цветовая палитра, повторяющиеся образы карлика, маятника заменяются романсными интонациями (ср. со стихотворением Я. П. Полонского «Затворница», представляющимся и ритмическим, и тематическим претекстом стихотворения Брюсова).³ Вме-

¹ По «брюсовскому» пути идет и С. Парнок: используя ту же рифменную пару, поэтесса в стихотворении «Туго сложен рот твой маленький...» (1915) затрагивает эротическую тему: «Туго сложен рот твой маленький, / Взгляд прозрачен твой и тих, {{215}} / Знаю, у девичьей спальни / Не бродил еще жених».

² Мочульский К. Валерий Брюсов. Paris, 1962. С. 162.

³ Ср. у Полонского: Как не по-детски пламенно,

Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
«Послушай, убежим!»

сте с тем блоковские мотивы, усиленные влиянием стилистики женской поэзии, вновь привносятся в текст предчувствие трагедии.¹

Таким образом «Стихи Нелли» представляют собой весьма сложную, многослойную метарефлексию, в текстах которой постепенно, в несколько этапов осваивается поэтическая традиция 1900-1910-х годов: во-первых, это отмеченная исследователями и критиками стилизация наиболее ярких явлений поэзии 1910-х годов (эгофутуризм, женская поэзия), в рамках которой, во-вторых, избираются наиболее характерные, по мнению автора, тематические открытия 1900-х: любовная тема реализуется во многом сквозь призму поэтики раннего Брюсова, тема города (в трагедийном аспекте) — через творчество Блока. Таким образом, мэтр подводит промежуточные итоги собственному творчеству и, по всей вероятности, творчеству своих современников, пытаясь показать литературной общественности, какие образы и приемы из его стихотворений и текстов других поэтов вошли в поэзию.²

Многие современники, однако, восприняли «Стихи Нелли» в более узком контексте и поддержали лишь «мистификаторскую»³ или «брюсовскую»⁴ линию сборника.

(Полонский Я. П. Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 56).

¹ Более подробный разбор блоковской образности в «Стихах Нелли» — тема отдельного исследования.

² Выявление по возможности всех стилистических тенденций, присутствующих в сборнике — задача будущих исследований, которые, надеемся, будут осуществлены.

³ Например, В. Ходасевич (Голос Москвы. 1913. № 199. 29 авг. С. 5), мягко намекнув, что «Стихи Нелли» являются плодами творчества далеко не начинающего поэта, сравнивал поэтику Нелли с поэтикой Ахматовой и Львовой. Н. Львова в своей рецензии объявила Нелли лучшей выразительницей женских чувств, поэтом, превосходящим Ахматову, Цветаеву или Кузьмину-Караваеву: «Ее книга — самая „женская“, так как лучше всех сумела она найти свои женские слова, свое освещение общей для всех темы. Поэтесса близко подходит к футуризму как к поэзии современности. Все ее ломаные переживания развиваются на фоне городской жизни...» (Львова Н. Холод утра (несколько слов о женском творчестве) // Жатва. 1914. № 5. С. 250–255.

⁴ См.: Гумилев Н. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 122; Городецкий С. Литературная неделя. Два стана // Речь. 1913. № 323. 25 нояб. С. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акмальдинова А., Лекманов О., Свердлов М. «Ликует форвард на бегу...»: Футбол в русской и советской поэзии 1910–1950-х годов. М., 2016.
2. Гаспаров М. Л. Брюсов-стихoved и Брюсов-стихотворец (1910–1920-е годы) // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван, 1976. С. 11–43.
3. Клинг О. А. Художественные открытия Брюсова в творческом осмыслении А. Ахматовой и М. Цветаевой // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985. С. 235–247.
4. Ковтун Е. Ф. Русская футуристическая книга. М., 1989.
5. Кушлина О. Б., Никольская Т. Л. Предисловие // Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология / Сост. и биогр. ст. М. Л. Гаспарова, О. Б. Кушлиной, Т. Л. Никольской. СПб., 2000. С. 3–17.
6. Лавров А. В. «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. История. Археология: Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 70–96.
7. Лавров А. В. Вокруг гибели Надежды Львовой: Неизданные материалы // De Visu. 1993. № 2. С. 5–11.
8. Литвин Э. С. Валерий Брюсов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1983. Т. 4. С. 480–519.
9. Максимов Д. Е. Брюсов: Поэзия и позиция. Л., 1969.
10. Миц З. Г. Александр Блок // История русской литературы: В 4 т. Л., 1983. Т. 4. С. 520–548.
11. Миц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999.
12. Мочульский К. Валерий Брюсов. Paris, 1962.
13. Терехина В. Н. А. Крученых, Алягров, Заумная гнига // Будетлянский клич! Футуристическая книга. М., 2006.
14. Тименчик Р. Д. Блок и литераторы. Блок и «молодые поэты» // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: новые материалы и исследования. М., 1987. Кн. 4. С. 549–556.

REFERENCES

1. Akmal'dinova A., Lekmanov O., Sverdlov M. «Likuet forward na begu...»: Futbol v russkoj i sovetskoj poezii 1910–1950-kh godov. M., 2016. (In Russ.)
2. Gasparov M. L. Bryusov-stikhoved i Bryusov-stikhotvorets (1910–1920-e gody) // Bryusovskie chtenija 1973 goda. Erewan, 1976. P.11–43. (In Russ.)
3. Kling O. A. Khudozhestvennyye otkrytiya Bryusova v tvorcheskom osmyslenii A. Akhmatovoj i M. Tsvetaevoj // Bryusovskie chteniya 1983 goda. Erevan, 1985. P. 235–247. (In Russ.)

4. *Kovtun E. F.* Russkaya futuristicheskaya kniga M., 1989. (In Russ.)
5. *Kushlina O. B., Nikol'skaya T. L.* Predislovie // Sto odna poetessa Serebryanogo veka: Antologiya / Sost. i biogr. st. M. L. Gasparov, O. B. Kushlina, T. L. Nikol'skaya. SPb., 2000. P. 3–17. (In Russ.)
6. *Lavrov A. V.* «Novye stikhi Nelli» — literaturnaya mistifikatsiya Valeriya Bryusova // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Istoriya. Arheologiya: Ezhegodnik 1985. M., 1987. P. 70–96. (In Russ.)
7. *Lavrov A. V.* Vokrug gibeli Nadezhdy L'vovoj: Neizdannye materialy // De Visu. 1993. № 2. P. 5–11. (In Russ.)
8. *Litvin E. S.* Valerij Bryusov // Istoriya russkoj literatury: In 4 vol. L., 1983. Vol. 4. P. 480–519. (In Russ.)
9. *Maksimov D. E.* Bryusov. Poeziya i pozitsiya. L., 1969. (In Russ.)
10. *Mints Z. G.* Aleksandr Blok // Istoriya russkoj literatury: In 4 vol. L., 1983. Vol. 4. P. 520–548. (In Russ.)
11. *Mints Z. G.* Blok i russkij simvolizm. Izbrannye trudy: In 3 vol. SPb., 1999. Vol. 1: Poetika Aleksandra Bloka. (In Russ.)
12. *Mochul'skij K.* Valerij Bryusov. Paris, 1962. (In Russ.)
13. *Terekhina V. N.* A. Kruchenykh, Alyagrov, Zaumnaya gniga // Budetlyanskij klitch! Futuristicheskaya kniga. M., 2006. (In Russ.)
14. *Timenchik R. D.* Blok i literatory. Blok i «molodye poety» // Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniya. M., 1987. Kn. 4. P. 549–556. (In Russ.)